RUDN Journal of Sociology. ISSN 2313-2272 (print), ISSN 2408-8897 (online) 2023 Vol. 23 No. 4 704–719
Вестник РУДН. Серия: СОЦИОЛОГИЯ http://journals.rudn.ru/sociology

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-704-719
EDN: FSTVUA

Средневековое городское гражданство на Западе в исторической социологии Макса Вебера*

Т.А. Дмитриев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 30, Москва, 101000, Россия

(e-mail: tdmitriev@hse.ru)

Аннотация. Последние десятилетия в социальных науках были отмечены интересом к вопросам гражданства как важнейшего феномена современного мира, что обусловлено актуальными проблемами мира модерна, связанными с процессами глобализации, отношениями между мировыми центрами силы по линии Север — Юг и Запад — Восток, набирающими силу миграционными потоками между странами и континентами, а также выдвижением на первый план круга политически релевантных тем, связанных с правами человека. Поиски решений этих проблем дали импульс оживленным дебатам как в академических кругах, так и в более широкой среде интеллектуалов и образованной публики по вопросу, в какой мере демократическая модель гражданства, исторически возникшая на Западе в Новое и Новейшее время, способна справиться с новыми глобальными вызовами современности. Будучи центрированными на актуальных вопросах гражданства, политике гражданских прав и гражданской идентичности, дебаты вокруг современного гражданства имеют и важное историко-социологическое измерение. Оно связано с вопросом, сформулированным примерно сто лет тому назад Максом Вебером: в чем заключался универсальный потенциал демократической идеи гражданства, сформировавшейся на Западе в современную эпоху, и каковы предпосылки этой модели гражданства на предшествующих этапах исторического развития западного мира? Формулируя исследовательскую проблему таким образом, Вебер рассматривает институт гражданства в широком контексте сравнительно-исторической социологии, изучающей различие путей исторического развития Запада и Востока. Один из ближайших предшественников современной модели гражданства на Западе — средневековое городское гражданство. Для понимания эволюции досовременных моделей гражданства в Западной Европе в Средние века совершенно незаменимыми в теоретическом и эвристическом отношении остаются исследования Вебера, формирующие историческую социологию античного и средневекового гражданства в таких его работах, как «Город» и «История хозяйства». В статье предпринята попытка реконструировать идеально-типическую модель средневекового городского гражданства в трактовке Вебера, дополнив ее по мере необходимости материалами из других релевантных источников.

Ключевые слова: Макс Вебер; историческая социология; средневековое городское гражданство; Запад; Восток; братство, скрепленное клятвой; homo politicus; homo oeconomicus

---

*© Дмитриев Т.А., 2023
Статья поступила 11.07.2023 г. Статья принята к публикации 16.10.2023 г.

Город на Востоке и на Западе и уникальность института городского гражданства

Центральным вопросом очерка М. Вебера «Город», написанного накануне Первой мировой войны, но опубликованного посмертно (1), стал «уникальный характер того, каким образом городское сообщество на Западе смогло создать политически активных граждан. Он сравнивает здесь как древнюю, так и средневековую Европу с Востоком, но особенно его интересуют различия между античной и средневековой эпохами в истории Запада; ибо, хотя в политическом и институциональном развитии между ними просматриваются очевидные параллели, только в средневековый период сложились условия для "современного капитализма" и "современного государства"» [27. С. 219]. Институт гражданства — и античного, и средневекового — Вебер рассматривает как отличительную черту политической и социальной истории западного мира: «Лишь на Западе мы встречаем понятие гражданина (*civis romanus, citoyen, bourgeois, Bürger*), так как лишь на Западе существует город в специфическом смысле этого слова» [3. С. 286].

Что считать городом, определялось в прошлом не размерами поселения, а прежде всего соображениями хозяйственного характера. С этой точки зрения как в Европе, так и вне ее городом называется торговый и ремесленный центр, нуждающийся в постоянном подвозе жизненных средств и припасов. Обычно город был не просто рыночным местом или городом производителей, но также крепостью и сообществом со своим религиозным культом и политическими институтами (последнее характерно для античного и средневекового европейского города). Именно на Западе «город должен рассматриваться как до некоторой степени автономный союз, "община" [*eine "Gemeinde"*] с особыми политическими и административными учреждениями» [3. С. 344]. Конечно, добавляет Вебер, и «вне Европы существуют города как крепости и как места пребывания духовной и светской власти. Но нигде, кроме Запада, мы не видим города в качестве *общинного союза*. Отличительными чертами его в средние века являются собственное право, собственный суд и до известной степени автономное управление. Средневековый горожанин был гражданином, и потому он принимал участие в этом суде и в избрании этого управления» [3. С. 290].

Ничего подобного античному и средневековому городскому гражданству, по мнению Вебера, мы не находим на Востоке. Причина — особые географические и экономические факторы, а также родоплеменная, семейная и кастовая замкнутость. В древних цивилизациях Передней Азии (включая Египет), Индии и Китая, возникших вокруг великих рек, для успешного ведения хозяйства было остро необходимо искусственное орошение, а также масштабные общественные работы по его устройству, организация которых требовала института трудовой повинности. На этой почве в странах Востока возникает сильная централизованная царская бюрократия, развившаяся впо-

следствии в «систему общегосударственного бюрократического управления, которое дало возможность царю при помощи налогов и готового административного аппарата взять военно-хозяйственное снабжение армии в свои руки». Благодаря этому в централизованных монархиях Востока контроль над средствами производства сочетается с контролем над средствами ведения войны (2): в то время как «в Европе снабжение и вооружение войска военачальниками, т.е. отделение солдата от средств осуществления войны, является такой же новостью, как отделение рабочего от средств производства продуктов, в Азии мы видим это с древнейших времен» [3. С. 291–292]. Следствием стало «отделение солдат от населения и безоружность подданных, а потому в противовес власти короля не могло возникнуть никакой самостоятельной гражданской общины, так как гражданин был прежде всего невоенным» [3. С. 385].

Другим препятствием для возникновения свободных городских общин вне западного мира была прочность родовых и кастовых уз. В Китае идентичность человека определялась прежде всего его родовыми связями, находившими свое концентрированное выражение в культе предков, в Индии — кастовой принадлежностью, причем в обоих случаях идентичность подкреплялась магическими верованиями, ритуалами и обрядами [3. С. 352, 385]. Религиозная мозаичность жизни народов Индостанского полуострова, где на протяжении веков то мирно, а то конфликтно сосуществовали три мировые религии — индуизм, буддизм и ислам, также не способствовала появлению свободных городских общин на основе религиозного в своей основе братства (*Verbrüderung*) (3). Согласно Веберу на Востоке возникновению городской общины на основе городского братства «препятствовала магическая замкнутость родов, а в Индии — каст. В Китае роды были носителями важнейших религиозных традиций — культа предков — и потому нерушимы; в Индии касты являлись носителями особого рода жизни, с соблюдением которого был связан вопрос о вечном спасении при переселении душ. В Индии кастовые рамки составляли абсолютное препятствие, в Китае же — и особенно в Передней Азии — родовая связь была препятствием лишь относительным» [3. С. 385].

Таким образом, развитие городов на Западе шло особым путем, отличавшемся от их развития на Востоке (4). Главное отличие двух исторических путей заключалось в том, что «на Западе не было табуированных границ индийско-экваториального региона, а также различных тотемических, связанных с культом предков, и кастовых магических ограничений племенных союзов, которые в Азии препятствовали объединению жителей города в гомогенное братство» [5. С. 60]. Христианство лишь довело этот процесс до логического завершения — «окончательно обесценило и уничтожило все и всякие родовые связи в их религиозном значении» [5. С. 61]. Своеобразие института средневекового городского гражданства на Западе состоит в создании такой

гражданской общины, которая не основана на кровнородственных, родоплеменных или кастовых связях. Городская община Средних веков представляет собой основанный на клятве братский союз тех, кто стал ее членом (5), чем напоминает античный полис: «и развитый античный полис, и средневековый город представляли собой прежде всего союз, основанный на *братстве*, соответствующим религиозным символом которого служил в глазах горожан городской бог или святой» [3. С. 365].

Вместе с тем модель средневекового городского братства отличалась от принципов создания городских союзов в античном полисе. В средневековой Европе главной предпосылкой таких союзов стала концепция религиозного братства, основанного на христианской идее спасения сообщества верующих при посредстве церкви. Это был принципиально новый момент, отличающий средневековый город от античного полиса, где политическое и религиозное начала не были дифференцированы столь основательно. Распространение универсальной (по крайней мере по своему потенциалу) религиозной этики братства отняло у родоплеменных начал совместной жизни религиозное и магическое значение: «Разрыв родовых связей был одним из многочисленных симптомов влияния христианской религии, способствовавших образованию средневекового города, наряду с той существенной ролью, которую играла церковная община в организации церковного управления городом» [3. С. 368].

Модель гражданства, которая возникает в средневековом городе, по сравнению с античной предшественницей представляет большой шаг вперед. Новая форма городского гражданства приходит на смену старой потому, что христианство с его принципом «нет ни эллина, ни иудея» и враждебным отношением к магии делает возможным новый тип братского городского союза, основанного на более универсальных, чем в античном городе, связях между согражданами (6). Благодаря этому при образовании средневековых городов, особенно на Севере Европы, «гражданин вступал в городскую корпорацию, по крайней мере, при новообразованиях, в качестве отдельного лица, индивидуально приносил свою присягу. Персональная принадлежность его к городскому союзу, а не род или племя, гарантировала ему индивидуальное гражданское правовое положение. Городская корпорация включала в себя нередко торговцев, чуждых ей не только по месту происхождения, но и по племени» [3. С. 370].

Феномен *conjuratio* и социально-политические особенности средневекового города

Город как автономная община или обладающая самоуправлением территориальная корпорация нередко возникает на средневековом Западе благодаря *conjuratio* — учреждению скрепленного клятвой городского союза. Речь идет об имевшем большое политическое значение символическом ритуале: горожане «торжественный момент перехода власти из рук феодаль-

ного сеньора в руки города отмечали клятвой *conjuratio*» [14. С. 8]. Принося клятву, граждане посредством этого ритуального действия становились членами братского союза, который, появившись в Италии, распространяется затем по всей Западной Европе. Для характеристики этого союза Вебер использует понятие «*Verbrüderung*», которое может толковаться не только субстанциально — как основанное на добровольном волеизъявлении братское объединение горожан, «подчиненных одному, *общему* для всех них *праву*» [3. С. 364], но и процессуально — как сам акт такого братского объединения, зачастую бросающий вызов прежнему сеньору города, в ходе которого городские слои подчас прибегали для достижения своих политических целей к насилию (7). Хотя средневековые города могли обретать автономию и учреждать гражданские общины разными путями, в том числе «в силу договорного или жалованного признания основателем города или его потомками широкого или ограниченного права автономности и суверенности» [3. С. 374], наибольший интерес Вебера вызывала та модель возникновения автономной средневековой городской общины на Западе, инициатива создания которой исходила не сверху, от сеньора или его потомков, а снизу — от горожан, готовых с оружием в руках отстаивать свои права. Такой способ возникновения средневековой городской общины он называет «исконным» (*originär*) и усматривает его ключевую черту в акте узурпации горожанами власти прежнего сеньора, скрепленном братской клятвой (*die Eidverschwörung*). Как подчеркивает Вебер, «исконная узурпация посредством внезапного акта единения в корпорацию, скрепленное клятвой объединение (*conjuratio*) горожан имело место в больших старых городах вроде Генуи и Кельна» [3. С. 374].

Главные структурные отличия средневековой городской демократии от античной заключались в иной организации городского пространства и военного дела. В средневековом городе граждане делились по цехам, античный город не знал подобного деления: «в древности нет цеха как владыки города, нет, вместе с тем, цеховой политики и, наконец, нет противоположности между капиталом и трудом в том виде, в каком она определилась на исходе средних веков» [3. С. 297]. Деление по цехам в значительной степени определялось особенностями хозяйственной жизни средневекового города. Одной из главных забот его властей была организация эффективной системы ремесленного производства как одного из основных источников существования города. Иными словами, средневековый город, в отличие от античного полиса, не был военным союзом; города обычно основывались как центры ремесла и торговли, средоточия деловой активности. Именно «на почве средневековой торговой и промышленной организации, отчасти рядом с ней, отчасти в ее рамках, но всегда, несмотря ни на какую борьбу против цехов, пользуясь созданными ими путями и правовыми формами, современный капитализм создал условия для своего роста» [2. С. 439].

Вторым важнейшим отличием средневековой городской демократии от античной была иная постановка военного дела, что также серьезно сказывалось на статусе средневекового горожанина. «Если античное государство-город в его наиболее характерной форме не создало ничего, подобного ремесленному цеху, то причина этого носит чисто военный характер. Античный город создал высшую форму военной техники того времени: мы не можем указать ничего равного войску гоплитов или римским легионам. Этим объясняется то свойственное античности обстоятельство, что стремление к обогащению осуществлялось главным образом военной добычей, а также другими преимуществами, извлекаемыми из политики. Гражданину противопоставляется всякий, занимающийся мирным заработком в современном смысле слова» [3. С. 301].

В отличии от средневекового города, в котором сложились предпосылки для возникновения современного рационального капитализма, античный полис жил постоянными войнами, обложением данью союзников, захватом военной добычи, обращением в рабство населения целых городов и поддержкой пролетаризированных городских масс за счет средств от военных реквизиций и контрибуций. В этом отношении «средневековый промышленный континентальный город совершенно отличается от античного полиса» [3. С. 479], поскольку «он представлял собой в период господства цехов образование, ориентированное на доходы посредством рационального ведения хозяйства» [3. С. 480], за счет сбыта на внешних рынках изделий ремесленного производства и торговли. Эта социально-историческая перемена эпохального масштаба объяснялась не в последнюю очередь тем, что в Средние века в Западной и Центральной Европе «города потеряли возможность получать экономические доходы при помощи самостоятельной военной политики» [3. С. 480].

Военный потенциал средневекового европейского города был несопоставим с военным потенциалом классического античного полиса. Военная история европейского средневековья характеризуется резким снижением роли пехоты и преобладанием на поле боя рыцарской конницы. В Средние века городское ополчение, за редким случаем, не могло соперничать с профессионально обученной и экипированной рыцарской конницей, поэтому военная организация города носит оборонительный характер. Как говорили в Средние века, сто конных рыцарей стоят тысячи пеших воинов. В военной истории европейского Средневековья известно всего несколько случаев, когда пешее ополчение смогло одержать верх над рыцарской конницей [9]. Поэтому «военная сила служила для населения городов внутри страны не основой их экономических доходов, но лишь опорой» [3. С. 480].

С точки зрения исторической социологии принципиальное различие между античным и средневековым городом на Западе — отношения с сельской округой. В античном мире город и его сельская округа представляли со-

бой единое политическое целое, и большинство полноправных граждан было крестьянами-землевладельцами, составлявшими основу военного ополчения. В Древней Греции это был тяжеловооруженный и самоэкипированный пехотинец-гоплит, в Древнем Риме — пехотинец-легионер. Напротив, в Средние века город и его сельское окружение имели принципиально разный правовой статус: крестьянская масса была лишена гражданских прав, и значительная ее часть пребывала в крепостном состоянии [26. С. 134]. По преимуществу конфликтный и неравноправный характер взаимоотношений городов-коммун и их сельской округи в Средние века и в эпоху Возрождения сказывался не только на политическом, но и на социальном и военном потенциале городов-государств на Западе.

«Главной слабостью города-государства, — отмечает Ф. Гилберт, имея в виду итальянские города-коммуны средних веков и эпохи Возрождения, — которая становилась все более очевидной по мере консолидации территориальных монархий, была узкая основа, из которой он черпал свою политическую силу. Получив при помощи различных способов контроль над большей частью прилегающих территорий, города ревностно охраняли свое право эксплуатировать тех, кого они подчинили своей власти. Неудивительно, что всякий раз, когда городу-государству угрожали иностранные захватчики или внутренние кризисы, жители зависимых районов пытались воспользоваться возможностью вернуть себе свободу. Нередко город-государство сталкивался одновременно с иностранными армиями и мятежными подданными, и часто его ресурсов было недостаточно ни для поддержания своей независимости, ни для сохранения своих владений» [20. С. 45].

В подобном неравноправии города и его сельской округи следует видеть и главную причину относительной слабости городского ополчения: в условиях Средневековья даже итальянским городам-коммунам, дальше других европейских городов продвинувшихся по пути обретения политической автономии, «не удалось создать пехоту, спаянную наподобие античной в одно тактическое целое» [15. С. 106]. «Главная сила мелких античных государств заключалась не в тех бойцах, которых выставляли непосредственно горожане, а в крестьянах их округи, в их рыбаках, в их угольщиках. Все это в Древней Греции или Риме было прочно политически связано с городом и жило общими интересами. В Средневековье, хотя города добивались государственной власти над довольно значительными сельскими районами, глубокая экономическая и политическая пропасть отделяла интересы городского и сельского населения, и попытки создания вооруженную силу городов из крестьянских элементов не могли иметь успеха» [15. С. 106]. Исключением была средневековая Швейцария, чья первоклассная пехота, равной которой не было в Европе вплоть до появления в XVI веке знаменитых испанских терций, имела своей социальной основой политический союз между крестьян-

ством лесных кантонов (Швиц, Ури и Унтервальден) и городами — Берном, Цюрихом и Люцерном [8].

Вебер концептуализирует противоположность между античным полисом, граждане которого были заняты политикой, войнами и разделом военной добычи, и средневековым городом, ориентированным на мирные ремесла и торговлю, с помощью категорий *homo politicus* и *homo oeconomicus*. Гражданин античного полиса и римской республики — *homo politicus*, а типичный свободный гражданин средневекового европейского города-коммуны — *homo oeconomicus*, как правило, ремесленник или торговец. Этим объясняется и меньшая «воинственность» средневековой городской общины, интересы которой вращались вокруг мирной хозяйственной деятельности, ремесел и торговли, а не вокруг войны, служившей главным источником доходов для демократии и ее граждан. Гражданин античного города был *homo politicus* особого рода — он «был в первую очередь воином» [3. С. 477]. «Античный полис был со времени создания дисциплинированного войска гоплитов цехом воинов» [3. С. 476], для которых «никакой свободы поведения в принципе не было» [3. С. 477].

Благодаря этим структурным факторам в средневековых европейских городах сформировались зачатки современного рационального капитализма западного типа, способного процветать только в условиях мира, тогда как античный полис жил политическими делами и войной, что делало его предрасположенным к различным формам политического капитализма (до появления Римской империи) [см.: 22. С. 7–40]. Такой подход заставлял городскую экономическую политику ориентироваться на интересы потребителей, а не производителей. В свою очередь, поскольку главными бенефициарами завоевательной политики античного полиса были его полноправные граждане, они стремились ограничивать доступ в свой круг, за счет ограничительной политики предоставления гражданства — чтобы не делиться военной добычей и общественными благами с чужаками и пришельцами: «Всем античным общинам гоплитов свойственно упорное нежелание расширить рамки своей общины путем допущения в нее на равных правах других общин для создания таким путем из многих общин одного государства» [3. С. 481].

Средневековое городское гражданство как «структурный мост» к модерну

От гражданина средневекового европейского города (*Stadtsbürger)* прослеживается сложный и извилистый путь к гражданину территориального государства модерна (*Staatsbürger*) [13] — Т. Парсонс назвал городское средневековое гражданство одним из «структурных мостов» к модерну на Западе [12]. Несмотря на то, что средневековые города не обладали политической независимостью, сопоставимой с той, что имели античные полисы, принцип ассоциации, лежавший в основе городских общин, не только

сохранился, но и обрел второе дыхание благодаря христианству, которому средневековая Европа обязана тем, что городская община стала не объединением родов, как в античности, а объединением индивидов, исповедовавших одну общую — христианскую — веру. В средневековом городе «граждане *municipium* [городской общины] представляли собой объединение равных, имеющих одинаковые юридические и политические права и одинаково несущих военные и другие подобные обязанности граждан. Хотя во всех *municipia*, как и в Риме, постепенно возникли аристократии богатых и знатных граждан, которые монополизировали общественные должности, в них все же в достаточной мере сохранялся, в отличие от сельского общества, особенно периода феодализма, дух ассоциации. Выживание таких городских сообществ составляло важную отличительную особенность предсовременной Европы, если сравнивать ее с любым восточным обществом, находящимся приблизительно на такой же стадии развития» [12. С. 54].

Хотя предложенную Парсонсом концептуализацию городского средневекового гражданства в странах Западной Европы как одного из «структурных мостов» к модерну в целом стоит признать удачной, ее не следует воспринимать как эволюционную схему прямого перехода от городского гражданства позднего Средневековья к современной демократической модели гражданства [10]. Потребовался целый ряд промежуточных исторических этапов, чтобы на смену феодально-статусным системам политического господства, основанным на разнообразных формах личной зависимости (вассально-сеньориальной, клиентельной и крепостной), в Новое время пришли более универсальные и специфически современные концепции сперва пассивного подданства, а затем активного гражданства, вобравшие в себя и исторический опыт средневекового городского гражданства. В то же самое время не следует игнорировать структурные недостатки средневековой городской модели гражданства, которые не позволили ей на заре Нового времени стать эксклюзивным образцом для формирования новых, более универсальных форм гражданской идентичности.

Сильной стороной средневековой городской модели гражданства на Западе, особенно на первоначальных этапах, было то, что она служила действенным средством преодоления родового и сословного партикуляризма. В отличии от античных городских союзов, которые покоились на принципах синойкизма — объединения родов, членом городской общины средневековый горожанин становился индивидуально, а не в качестве члена родовой, сословной или кастовой общности. Кроме того, в силу заинтересованности городских общин в притоке населения в городах Северной и Центральной Европы возникает известный принцип «городской воздух делает свободным» (*Stadtluft macht frei*), согласно которому «по прошествии разного, но в общем всегда короткого времени господин терял право собственности на своего крепостного или раба», поэтому «сословные различия в городе исчезали —

по крайней мере постольку, поскольку они касались обычного понятия свободы и несвободы» [3. С. 363].

Вместе с тем слабым местом городской модели гражданства на Западе было то, что, обладая определенным (религиозным в своей основе) потенциалом для преодоления родового и сословного партикуляризма, она не могла использовать этот потенциал универсализации гражданского статуса, чтобы поднять его на более высокий уровень, в том числе из-за принципиально различного гражданско-правового статуса населения средневекового города и подчиненной ему сельской округи и — шире — всех остальных зависимых от города земель. Само выражение «городской воздух делает свободным» указывает на связанное с граждански-правовым статусом различие в положении городского и сельского населения, на «разницу между сельским обществом с его переплетением феодальных зависимостей и городом как местом большей независимости и гражданских свобод» [28. С. 56]. Если применительно к античному миру, в частности к Древнему Риму после завершения борьбы сословий (примерно 287 г. до н.э.), можно говорить о существенном расхождении интересов социальных низов деревни (*plebs rustica*), жившей земледельческим трудом, и социальных низов города (*plebs urbana*), зависимых от даровой раздачи хлеба государством [16. С. 124–125], но при равном гражданско-правовом статусе (*civis Romanus*) первых и вторых, то радиус действия средневекового городского гражданства ограничивался городом, причем даже его социальные низы зачастую не были полноправными членами городской общины, что не способствовало усилению ни военного, ни политического потенциала средневекового города на Западе.

Хотя Вебер считает возможным говорить о городской средневековой демократии на Западе, она настолько отличалась от античной демократии, не говоря уже о современной плебисцитарной массовой демократии, что при ближайшем рассмотрении оказывается «демократией» скорее по названию, чем по существу. Средневековая городская демократия не знает политико-правового равенства граждан в смысле античных *isonomìa* — равенства перед законом, *isēgorìa* — равного права на слово и голос в народном собрании — и *isokrtaìa* — равного распределения власти. Как правило, все важные политические решения в средневековом городе принимала небольшая прослойка знатных и состоятельных граждан, «уважаемых людей», принадлежавших к городскому патрициату, а остальным гражданам по большей части (если не брать кризисные периоды) приходилось довольствовать ролью статистов на городской политической сцене. Эта черта средневековой городской демократии дала Веберу основание охарактеризовать ее как «плутократическое коллегиальное правление знати» [7. С. 43].

Наконец, еще одним слабым местом городской средневековой модели гражданства с точки зрения последующего развития форм гражданской идентичности в Новое и Новейшее время в Западной Европе была ее су-

губо религиозно-христианская основа. Исходный универсалистский потенциал христианства (по сравнению с языческими религиями классической античности), который позволил появиться на исторической сцене средневековой Европы институту городского гражданства, после духовного раскола западноевропейского мира в результате протестантской Реформации и огосударствления христианских церквей как в католическом (Франция, Испания), так и в протестантском мире, утратил — не сразу и не целиком, но в значительной степени — свою интеграционную силу и перестал играть роль фактора, объединяющего всех подданных короны. Возникла необходимость в новых формах гражданства и гражданской идентичности, а также в новой основе для гражданской «однородности», построенной не на сугубо религиозно-христианском, а сперва на династическом, а затем во всей большей степени на национально-территориальном начале. Из числа современников этот исторический сдвиг лучше других понял первый министр французского короля Людовика XIII кардинал Ришелье: «Разгромив гугенотскую партию — это “государство в государстве” — Ришелье не пошел на поводу “святош” и никогда не посягал на религиозные и гражданские права французских протестантов, не делая после падения Ларошели политических различий между ними и католиками. И те и другие были для него прежде всего французами» [17. С. 375]. Переход в эпоху абсолютизма к династически-подданническим, довольно сильно окрашенным в национальные тона моделям гражданства, а затем, после Французской революции, к республиканским, светским и национально-государственным вариантам гражданской идентичности стал одним из важнейших способов конституирования гражданско-правовой «однородности», найденном европейской современностью.

Таким образом, историческая социология Вебера предлагает понятийные ресурсы для концептуализации перехода от городской средневековой к современной демократической модели гражданства на Запада в Новое и Новейшее время (8). Он полагал, что основанная на ремесленно-торговых гильдиях средневековая городская демократия получила шанс на развитие, потому что ее тогдашние феодальные правители зачастую не имели достаточно ресурсов, чтобы распространить свое прямое правление на города (9), и потому что, предоставляя городам определенную административную и судебную автономию, они рассчитывали пополнить свою казну — для содержания двора и войска. В результате в ряде регионов Западной Европы (Северная и Центральная Германия, Южная Франция, Фландрия и Брабант, Северная и Средняя Италия) сложились предпосылки для относительно мирного развития городских демократически-олигархических форм правления и свойственных им моделей гражданства. В историографии Средних веков эта линия исторического развития получила название «городской» или «коммунальной» революции» XI–XIV веков [1. С. 217–232].

Ситуация стала меняться по мере того, как феодализм начал уступать исторические позиции патримониально-бюрократически управляемым княжествам и королевствам [18. С. 33–58; 21. С. 253–263]. При помощи больших армий и профессионально обученных чиновников они сосредоточили власть в своих руках и добились контроля над обширными территориями, преуспев в XV–XVI веках, помимо всего прочего, в подрыве автономии и самоуправления городов, повернув, тем самым, вспять «городскую революцию» европейского Средневековья. «По мере того как абсолютистские монархии вступали в период острой конкуренции, усиливалась эксплуатация городов и контроль над ними в целях строительства империй» [21. С. 240]. Абсолютистско-патримониальные режимы с их бюрократическим аппаратом и тенденцией к концентрации и монополизации публичной власти на определенных территориях выступили в качестве могущественных и довольно эффективных проводников политики «уравнивания» правового и социально-экономического статуса своих подданных, что способствовало возникновению современной массовой демократии и свойственных ей моделей гражданства. По оценке Вебера, сглаживание экономических и социальных различий (для выполнения управленческих функций) посредством бюрократической организации государства модерна «является неизбежным побочным следствием современной массовой демократии (в противоположность демократическому самоуправлению малых гомогенных единиц), вытекающим из характерного для нее принципа — абстрактной регулярности осуществления господства, что, в свою очередь, есть следствие правового равенства в личностном и административном смысле, т.е. устранения привилегий и принципиального отказа от решения дел не по общему правилу, а “от случая к случаю”… Эта регулярность следует из самих социальных предпосылок возникновения бюрократии» [7. С. 54].

Организационную экспансию современной государственной, а также частно-хозяйственной и партийно-политической бюрократии, сопровождающуюся изгнанием из управления феодальных, патримониальных и (в тенденции) плутократических привилегий в сочетании с «нивелированием подданных», Вебер называет «пассивной демократизацией» [7. С. 55–56] (10). В качестве ее движущих сил на Западе в Новое время он рассматривает не только распространение рациональной государственной (и не только) бюрократии, но и создание массовых армий и давление частнокапиталистических интересов: «бюрократизация и социальное нивелирование внутри политических и особенно государственных образований, связанные с разрушением противостоящих этому локальных и феодальных привилегий, в Новое время часто оказывались на руку капиталу и проводились в прямом союзе с ним. Этому служил великий исторический союз абсолютной княжеской власти и капиталистических интересов» [7. С. 60].

Одно из главных и отчасти побочных следствий совокупности этих факторов — «нивелировка подданных» в плане «устранения привилегий» и «сглаживания экономических и социальных различий» между ними, а также утверждение «правового равенства в личном и административном смысле» [7. С. 54], которые обусловили формирование и распространение современной демократической модели гражданства в Новое и Новейшее время на Западе. Однако это тема отдельного исследования, к которому мы обратимся в ближайшем будущем.

Примечания

(1) Это незаконченное исследование Вебера было опубликовано сначала в «Архиве социальных наук и социальной политики» в 1921 году, а затем как глава в «Хозяйстве и обществе» в 1922 году. Дату написания текста публикатор «Города» в полном собрании сочинений и писем Вебера В. Ниппель определяет периодом между концом 1913 и серединой 1914 года [30. С. 1]. Иного мнения придерживается П. Гош, настаивая, что «нет никаких свидетельств того, когда Вебер впервые составил» текст [19. С. 384], но при этом выдвигая предположение, что «Город» был написан Вебером в феврале–марте 1908 года, вскоре после окончания работы над «Аграрными отношениями в античности».

(2) Вебер обычно использует такие понятия, как «средства ведения войны» (*die Kriegsmittel*) и «вещественные средства военного производства» (*die sachlichen Kriegs betriebsmittel*) [4. С. 128–129]. В социологической литературе также получило распространение близкое понятие «средства (способы) разрушения» [11].

(3) Есть основания согласиться с оценкой В. Ниппеля, отметившего, что веберовское «понятие *Verbrüderung* в качестве описания процесса индивидуализации, поощряемого христианством, блестяще отражает фундаментальные различия между Западом и цивилизациями Востока» [26. С. 138].

(4) О различии путей исторического развития Запада и Востока через призму сравнительно-исторического метода у Вебера см. [23; 24].

(5) «В качестве центральной категории “братство” (*Verbrüderung*) появляется на позднем этапе творчества Вебера, который характеризуется использованием универсально-исторического и религиозно-социологического сравнительного подхода, а именно в очерке “Город”, в посвященных религиозной социологии частях “Хозяйства и общества” и работах, посвященных конфуцианству, индуизму и иудаизму» [25. С. 39].

(6) Символическим «часом зачатия» западноевропейской буржуазии Вебер считал состоявшуюся в Антиохии на заре христианства совместную ритуальную трапезу христиан-евреев и христиан — бывших язычников, т.е. необрезанных, санкционированную апостолом Павлом. «Снятие всех ритуальных ограничений по рождению для участия в евхаристии, как это произошло в Антиохии, также было — с точки зрения религиозных предпосылок — моментом зачатия “буржуазии” на Западе, хотя ее рождение свершилось более чем тысячелетием позже, в революционных “клятвенных союзах” (*conjurationes*) средневековых городов. Потому что без совместных трапез, говоря по-христиански — без совместной вечери, клятвенное братство и средневековая городская буржуазия были просто невозможны» [29. С. 96].

(7) Вебер специально оговаривает то обстоятельство, что «все *conjurationes* и союзы Запада, начиная с ранней античности, были объединениями способных носить оружие городских слоев, что и является решающим моментом» [3. С. 374].

(8) В характеристике «пассивной демократизации» по Веберу я ориентируюсь на ее аналитическую реконструкцию, предложенную С. Кальбергом в «Социологии цивилизаций Макса Вебера» [21. С. 240–242].

(9) «Европейский город очень рано стал привилегированным союзом с твердо закрепленными правами, которые можно было планомерно расширять и которые были расширены, поскольку феодальный владелец города тогда еще не обладал техническими средствами управления: город был военным союзом, который мог успешно затворить ворота перед рыцарским войском» [6. С. 94].

(10) Вебер уточняет, что «демократизация» в подразумеваемом им смысле «не означает непременного возрастания активной доли подданных, причастных к господству в рамках данного социального образования. Это может, но не обязательно должно быть следствием процесса, который мы имеем в виду» [7. С. 55–56]. Подобная «демократизация» до определенного момента вполне мирно уживалась с временным закатом моделей активного гражданства, характерных для городов-коммун Средневековья, и с выходом на первый план моделей пассивного подданства, преобладавших в патримониально управляемых княжествах и абсолютистских монархиях Нового времени.

Библиографический список

1. *Буассонад П.* От нашествия варваров до эпохи Возрождения. Жизнь и труд в средневековой Европе. М., 2010.
2. *Вебер М.* Аграрная история древнего мира. М., 2001.
3. *Вебер М.* История хозяйства. Город. М., 2001.
4. *Вебер М.* Политические работы. М., 2003.
5. *Вебер М.* Город. М., 2017.
6. *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий: Опыты сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. М., 2017.
7. *Вебер М.* Хозяйство и общество. Т. IV. М., 2019.
8. *Давыдов А.*, *Карабед И.К.*, *Маслов А.Н.* Воинские традиции швейцарского Средневековья: очерки исторического развития, вопросы реконструкции материальной культуры. Нижний Новгород, 2012.
9. *Дельбрюк Г.* История военного искусства. Т. III. СПб., 1997.
10. *Дмитриев Т.А.* Институт гражданства и современное общество: исторический опыт Запада // Россия и мир: анатомия международных процессов. М., 2014.
11. *Кола Д.* Политическая социология. М., 2001.
12. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998.
13. *Ридель М.* Бюргер, гражданин, бюргерство/буржуазия // Словарь основных исторических понятий. Т. II. М., 2014.
14. *Рутенбург В.И.* Введение // Итальянские коммуны XIV–XV веков. М.–Л., 1965.
15. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002.
16. *Утченко С.Л.* Кризис и падение Римской республики. М., 1965.
17. *Черкасов П.П.* Кардинал Ришелье. М., 1990.
18. *Breuer S.* Bürokratie und Charisma. Zur politischen Soziologie Max Webers. Darmstadt, 1994.
19. *Ghosh P.* Max Weber und “The Protestant Ethic”: Twin Histories. Oxford, 2014.
20. *Gilbert F.* Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth Century Florence. Princeton, 1973.
21. *Kalberg S.* Max Weber’s Sociology of Civilizations: A Reconstruction. London, 2021.
22. *Love J.R.* Antiquity and Capitalism: Max Weber and the Sociological Foundations of Roman Civilization. London, 1991.
23. *Love J.R.* Max Weber’s orient // Cambridge Companion to Weber. Cambridge, 2000.
24. *Nelson B.* On orient and occident in Max Weber // Social Research. 1976. Vol. 43. No. 4.
25. *Nippel W.* Max Weber zwischen Althistorie und Universalgeschichte: Synoikismos und Verbrüderung // Die okzidentale Stadt nach Max Weber. München, 1994.
26. *Nippel W.* Homo Politicus and Homo Oeconomicus: The European citizen according to Max Weber // The Idea of Europe. Cambridge, 2002.
27. *Nippel W.* Ancient and Modern Democracy. Two Concepts of Liberty? Cambridge, 2016.

28. *Nolte P.* Was ist Demokratie? Geschichte und Gegenwart. München, 2012.
29. *Weber M.* Gesamtausgabe. Bd. I/20. Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen: Hinduismus und Buddhismus: 1916–1920. Tübingen, 1996.
30. *Weber M.* Gesamtausgabe. Bd. I/22-5. Wirtschaft und Gesellschaft: die Wirtschaf und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte. Die Stadt. Tübingen, 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-4-704-719
EDN: FSTVUA

Medieval urban citizenship in the West in Max Weber's historical sociology*

T.A. Dmitriev

National Research University Higher School of Economics,
Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: tdmitriev@hse.ru)

Abstract. Recent decades in social sciences have been marked by the interest in citizenship as the most important phenomenon of the contemporary world due to its current problems associated with globalization, relations between world centers of power along the North-South and West-East lines and growing migration flows between countries and continents, and also due to the urgent, politically relevant, human rights problems. The search for solutions to these problems has led to debates in both academic circles and wider intellectual public about the extent to which the democratic model of citizenship, which historically developed in the West in modernity, can meet the new global challenges of our time. Although such debates focus on the contemporary issues of citizenship, civil rights and civic identity, they also have an important historical-sociological dimension according to Max Weber's question formulated about a century ago: what was the universal potential of the democratic idea of citizenship that emerged in the West in the modern era, and what were the premises of this model of citizenship at the previous stages of the Western historical development? Thus, Weber considers the institution of citizenship in the broader context of comparative historical sociology which studies the difference in the paths of historical development of the West and the East. One of the closest predecessors to the modern model of citizenship in the West is medieval urban citizenship. To understand the evolution of pre-modern models of citizenship in Western Europe in the Middle Ages, Weber's ideas remain essential in the theoretical and heuristic perspective, forming the historical sociology of ancient and medieval citizenship in his works *The City* and *General Economic History*. The article presents an attempt to reconstruct the ideal-typical model of medieval urban citizenship in Weber's interpretation, supplementing it with some necessary materials from other relevant sources.

Key words: Max Weber: historical sociology; medieval urban citizenship; West; East; oath-bound brotherhood; homo politicus; homo oeconomicus

References

1. Boissonnade P. *Ot nashestvija varvarov do epohi Vozrozhdenija. Zhizn i trud v srednevekovoj Evrope* [Life and Work in Medieval Europe]. Moscow; 2010. (In Russ.).

*© T.A. Dmitriev, 2023
The article was submitted on 11.07.2023. The article was accepted on 16.10.2023.

2. Weber M. *Agrarnaja istorija drevnego mira* [The Agrarian Sociology of Ancient Civilizations]. Moscow; 2001. (In Russ.).
3. Weber M. *Istorija khozjajstva. Gorod* [General Economic History. The City]. Moscow; 2001. (In Russ.).
4. Weber M. *Politicheskie raboty* [Political Writings]. Moscow; 2003. (In Russ.).
5. Weber M. *Gorod* [The City]. Moscow; 2017. (In Russ.).
6. Weber M. *Khozjajstvennaja etika mirovyh religij: Opyty sravnitelnoj sotsiologii religii. Konfutsianstvo i daosizm* [Economic Ethics of World Religions: Essays on Comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism]. Moscow; 2017. (In Russ.).
7. Weber M. *Khozjajstvo i obshchestvo* [Economy and Society]. Vol. IV. Moscow; 2019. (In Russ.).
8. Davydov A., Karabed I., Maslov A. *Voinskie traditsii shvejtsarskogo Srednevekovija: ocherki istoricheskogo razvitija, voprosy rekonstruktsii materialnoj kultury* [Military Traditions of the Swiss Middle Ages: Essays on Historical Development, Issues of Reconstruction of Material Culture]. Nizhny Novgorod; 2012. (In Russ.).
9. Delbrück H. *Istorija voennogo iskusstva* [History of the Art of War]. Vol. III. Saint Petersburg; 1997. (In Russ.).
10. Dmitriev T.A. Institut grazhdanstva i sovremennoe obshchestvo: istorichesky opyt Zapada [Institution of citizenship and contemporary society: Historical experience of the West]. *Rossija i mir: anatomija mezhdunarodnyh protsessov.* Moscow; 2014. (In Russ.).
11. Colas D. *Politicheskaja sotsiologija* [Political Sociology]. Moscow; 2001. (In Russ.).
12. Parsons T. *Sistema sovremennyh obshhestv* [The System of Modern Societies]. Moscow; 1998. (In Russ.).
13. Ridel M. Bjurger, grazhdanin, bjurgerstvo/burzhuazija [Burgher, citizen, bourgeoisie]. *Slovar osnovnyh istoricheskih ponjatij.* Vol. II. Moscow; 2014. (In Russ.).
14. Rutenburg V.I. Vvedenie [Introduction]. *Italijanskie kommuny XIV-XV vekov.* Moscow–Leningrad; 1965. (In Russ.).
15. Svechin A.A. *Evoljutsija voennogo iskusstva* [The Evolution of the Art of War]. Moscow; 2002. (In Russ.).
16. Utchenko S.L. *Krizis i padenie Rimskoj respubliki* [The Crisis and Fall of the Roman Republic]. Moscow; 1965. (In Russ.).
17. Cherkasov P.P. *Cardinal Richelieu*. Moscow; 1990. (In Russ.).
18. Breuer S. *Bürokratie und Charisma. Zur politischen Soziologie Max Webers.* Darmstadt; 1994.
19. Ghosh P. *Max Weber und "The Protestant Ethic": Twin Histories*. Oxford; 2014.
20. Gilbert F. *Machiavelli and Guicciardini. Politics and History in Sixteenth Century Florence*. Princeton; 1973.
21. Kalberg S. *Max Weber's Sociology of Civilizations: A Reconstruction*. London; 2021.
22. Love J.R. *Antiquity and Capitalism: Max Weber and the Sociological Foundations of Roman Civilization*. London, 1991.
23. Love J.R. Max Weber's orient. *Cambridge Companion to Weber.* Cambridge; 2000.
24. Nelson B. On orient and occident in Max Weber. *Social Research*. 1976; 43 (4).
25. Nippel W. Max Weber zwischen Althistorie und Universalgeschichte: Synoikismos und Verbrüderung. *Die okzidentale Stadt nach Max Weber.* München; 1994.
26. Nippel W. *Homo Politicus* and *Homo Oeconomicus*: The European citizen according to Max Weber. *The Idea of Europe*. Cambridge; 2002.
27. Nippel W. *Ancient and Modern Democracy. Two Concepts of Liberty?* Cambridge; 2016.
28. Nolte P. *Was ist Demokratie? Geschichte und Gegenwart*. München; 2012.
29. Weber M. *Gesamtausgabe. Band I/20: Die Wirtschaftsethik der Weltreligionen. Hinduismus und Buddhismus (1916–1920).* Tübingen; 1996.
30. Weber M. *Gesamtausgabe. Bd. I/22-5: Wirtschaft und Gesellschaft: die Wirtschaf und die gesellschaftlichen Ordnungen und Mächte. Die Stadt*. Tübingen; 1999.